

ПИСАТЕЛЬ ДМИТРИЙ ФИЛИППОВ СТАЛ ЛАУРЕАТОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ "СЛОВО" В НОМИНАЦИИ "МАСТЕР. ПРОЗА". НАГРАДА ПРИСУЖДЕНА ЗА РОМАН "СОБИРАТЕЛИ ТИШИНЫ" (ФИЛИППОВ ДМИТРИЙ. СОБИРАТЕЛИ ТИШИНЫ : РОМАН В РАССКАЗАХ / СЕРИЯ "РУССКАЯ РЕКОНКИСТА". — М. : АСТ, 2024. — 352 С.).

ИЗ НАЗВАНИЯ книги, преамбулы и её начала сразу не ясно, что основные события происходили в Авдеевке (Авдосе, как её там называют). Это переломный, третий этап СВО (после сумбурного начала, затем перегруппировок и отражения контрастугла), начавшийся с продвижения как раз в Авдеевке, предвещавшего успехи всего третьего года.

Хотя первым значительным продвижением всё-таки был Бахмут (Артёмовск), после которого многих прошедших через то горнило бойцов подучили теории и повысили до офицеров. После Бахмута нашего глубокого продвижения не случилось, поскольку противник нарастил применение дронов, и пришлось искать новые решения в тактике и технике.

Первая половина книги Дмитрия Филиппова — о мирной жизни до СВО и одновременно параллель с Великой Отечественной войной. Главный герой — маленький районный чиновник из Питера Кирилл Сергеевич Родионов — увлечается историей в составе поисковых отрядов и одновременно на работе пытается помогать потомкам без вести пропавшим.

Фрагменты первой части берут за душу историю почти уже вековой давности, но на самом деле готовят читателя к ещё более сложному "нерву войны" современности. Без такой исторической подготовки, если начать со второй половины книги, читатель, скорее всего, отринет её, не справившись с текстом психологически. История же гласит, что наши предки сталкивались с подобными событиями, что наши соседи с Запада не меняются, и мы следуем по волнам повторяющихся событий.

Итак, мобилизация, повестики... В книге описано несколько типичных ситуаций. Например, такая: обычные отношения в семье, с умеренным диспутом и матриархатом. Муж решает пойти — жена категорически, до истерики против, даже помощ-

на полусогнутых рванули к тропе короткими перебежками, прикрывая друг друга... — А с Каньоном у нас связь есть? — спросил Вожак у Смоля.

— Нет, я не знаю их частоту.

— Ну, круто. Сейчас мы и там под раздачу попадём.

— Короче, парни. Перед Каньоном закуриваем и идём, как по Невскому. У них на крыше пулемёт. Если стрелок не полный дятел, то поймёт, что идут свои, — предложил Змей.

...К Каньону подошли на кураже. Пулемётчик оказался головастым парнем. Рассказывал потом:

— Смотрю в тепляк — ну, дээрзг, сто процентов. Я уже на прицел вас взял. А потом вы закуриваете и начинаете трюндить на всю ивановскую. Я даже глаза протёр, думал, померещилось. Нет, курят, идут вразвалочку. Что-то не то, думаю. А потом вспомнил, что час назад сапёры выходили. Вы, парни, просто безбашенные. У нас ночью здесь никто не ходит.

— Мы ещё на машинке вышивать умеем".

Дальше была серая зона, переходящая в позиции немцев. На Тумане-3 предупредили, поэтому обошлось без френдли-фаер. До противника триста метров. Паре сапёров надо было отработать на Тумане-4. За ним был "пятый Туман, его держали эски, и это была крайняя точка. Дальше стояли холмы".

ФИЛИППОВ много внимания уделяет проблеме дронов и решениям из первых рук, поскольку именно под Авдосом дронов стало очень много, включая камикадзе, и добавились проблемы разношёрстных средств РЭБ (радиоэлектронная борьба). Именно из-за этого Авдеевка шла так медленно. Что бы ни говорили критики первого этапа СВО, дроны в нашей армии были. Только расход дронов вырос на порядки, как и расход боевых безприпасов: от патронов

НОВАЯ АРМИЯ

ник военкома в раздразе от её скандала. Здесь позволю себе дописать за автора, что чуть позже жена начнёт собирать гуманитарку в помощь мужу, пару раз съездит к нему в тыловую раскладку, станет известной на весь район, дотянется до обеспечения целой роты.

Потому что у них, как и у главного героя книги, будут дети и будут внуки, и они должны жить мирно в нашей стране, а не на правах полуколонии Запада с периодическими "сафари" бабуинов оттуда. Как написал автор: "...Родионов отчётливо понял, что пройдёт много-много лет, он состарится, дочь родит ему внука, смешного и бойкого пацана; и внук однажды сядет к нему на колени и спросит: "Дедушка, а что ты делал во время войны?"

Ещё одна тема книги — как в Авдосе за полгода гражданский чиновник стал круче кадрового офицера. Майорские звёзды, позывной "Гувер" (как президент США, если кто запамятовал), с опытом Чечни и Сирии... Подосёл к юмористу и хорошо поставленным ударом пробил ему в грудь, взял роту в свои жёсткие командирские руки. Потом будет три месяца в спокойной ещё Курской области, затем — полгода в Авдеевке. Там ротный почти сразу словит ранение и провалается с полгода в госпиталих. За эти полгода главный герой (Родионов, позывной "Вожак") и его сослуживцы, до того обычные гражданские, стали наголову круче кадрового майора. Некоторых выдвинули в командиры, а тот майор станет подражать в приёмах разминирования решениям вчерашнего чиновника. Так в Авдеевке, точнее, в Авдосе, после Бахмута-Артёмовска ковалась наша новая армия.

В книге "нерв войны" перемежается военным юмором.

"Первым делом, — начал Гувер, — надо сделать сортир. Иначе через сутки вокруг вашего ПВД будет вонять..." Как сделать сортир, если у тебя нет стройматериалов? Правильно, разобрать на доски что-то ненужное и старое. Парни во взводе оказались рукастые: "Сейчас такой терем отстроюем" — уезжать не захочется, — шутил Малой".

Это было ещё в Курской области, а потом уже были будни Авдоса: "...си-дишь в подвале сутками, писаешь в бутылку, какаешь в пакетики", чтобы тебя не обнаружили с дронов. От себя добавлю, что по сети с тех времён гуляет ролик с юмором-наравоучением из-за тему, снятый ночью с тепляка".

В книге описываются военные будни сапёра. Будни — это когда десятки мин противника разного типа и с разными уловками за ночь снимаются и ставятся наши. Будни — это когда десятки взрывателей и гранат прошлых войн "допливаются" на позиции для лучшего применения в современных. Такие будни почему-то не снимают военкоры, и о них мало пишут в "телеге", наверное, из-за адского риска для непосвящённых наблюдателей. Не будни — это когда несколько ночей в километре, почти в прямой видимости противника, главный герой с товарищами собирал "Горыныча" (установку разминирования) и затем направленный пуском разложил железобетонный опорник. Как правильно мелкомом и без бахвальства написал автор — сапёров уважают даже бойцы "штурм-З" (зски, на самых сложных участках).

Немного о буднях из книги. "Бойцы не спали вторую ночь подряд. Группа приехала на Каньон злая и невysпавшаяся. Шёл ночной бой, и в это перекрестье сапёрам предстояло влезть и проскочить незамеченными... Подойти не успели, автоматная очередь срезала кусты над головой. Стрелок бил длинными очередями, не прицельно, отравлял по периметру. Расчёт вжался в ещё тёплый асфальт. Судя по направлению, били по ним с Туманов.

— Свои ухерчат.

— Что там твой Багдо? Предупредил, говоришь?

— Отползаем, — скомандовал Смола.

Помогли немцы. Хохляцкий пулемётчик засёк точку и открыл огонь. Сапёры получили передышку и бегом, пригибаясь,

и гранат до снарядов. В книге есть описания того, как штурмовые группы оказались зажаты вражескими пулемётами, дронами и миномётами, как наши "птичники" быстро выдвинулись в помощь, быстро собрали дроны со сбросами, без шанса на ошибку, ставшая после запуска мишенями для противника.

Вот один из многих поучительных эпизодов книги: "Взлёт — очень важный и ответственный момент. Если у оператора дрогнет рука или налетит внезапный порыв ветра, то дрон просто клюнет носом и камикадзе взорвётся рядом с группой... — Вышел на Туманы. Иду ровню.

— Ты молодец.

— Меня начинаю глушить...

— Лео, всё в порядке, продолжай полёт.

— Картинка пропадает... Меня глушат...

— Возьми правее.

— Есть. Ушёл от ружья. Картинка в норме.

— Молодец, ищи цель.

— Вижу наших парней... Батарея 3, 1... Я скоро упаду...

— Видишь цель?

— Нет.

— Сделай ещё один круг.

— Батарея садится...

— Ты справишься. Не волнуйся.

— Вижу разрывы... Вижу, вижу цель! Захожу...

Тянутся секунды.

— Всё. Картинка пропала.

Оператор никогда не знает, взорвался ли заряд".

Ещё про юмор на войне: интересен эпизод про донецкого ухорыза, как бы некоего маленького насекомого, из-за которого после сна в блиндажах и подвалах болят уши. Не буду описывать, что это, пусть будет интригой для читателей. Много местного колорита, и читатель узнаёт, что такое "на ножках", "на глазах", точнее, какие боевые задания скрываются за этими неуставными терминами. Особенно когда видишь в Москве машинки "Яндекса" с доставкой и утыканные видеокameraми дороги.

Ещё юмор из книги, или не совсем юмор: "Механик долго боролся со сном, закрывая глаза, вздрагивая, давая уставшему мозгу возможность выпключиться на несколько секунд и, конечно, пропустил момент, когда заснул окончательно. Он не знал, сколько проспал, может, минуту, может, час, но проснулся оттого, что по штанине кто-то ползёт. Открыл глаза — на коленях сидела крыса. Механик уже занёс руку, чтобы сбросить её, как вдруг услышал шаги. Даже не шаги, а тихий шестел, но раздался он оттуда, откуда не должен был раздаваться. Сон как рукой сняло. Он вскочил и выпрыгнул в бойничу. Чёрные тени, растянувшись в цепочку, бесшумно двигались в сторону их блиндажа.

Механик успел испугаться, сердце забилось чаще и провалилось вниз, в область живота, но руки сами помнили, что им нужно делать.

Пулемёт — в амбразуру, ровнее установить сошки, снять предохранитель.

Огонь.

ПК задолбил отчаянно и зло, разрывая ночную тишину. Механик стрелял не прицельно, по-сомалийски; стрелял уверенно, короткими очередями".

Добавлю от себя неявно прописанное в книге, что крыса почуяла неладное и спасла целое отделение наших бойцов. После, "уже провалившись в сон, когда почувствовал, как что-то маленькое и тёплое забралось ему под мышку.

— И ты тут, — прошептал Механик. — Ладно, спи, грейся. Только не кусай меня".

В книге несколько эпизодов про ЧВК "Товарищи" и про "Царскую охоту" как поворотный момент Авдоса. Тяжело читать, особенно для посвящённых и хотя бы немного бывавших там, знающих, какую цену мы заплатили за нашу обновлённую армию.

Книга по редким, но важным деталям работы сапёров и "птичников" — совсем не в стиле учебника военного училища, написанного возрастным отставным полковником-преподавателем. Гораздо реалистичнее, но поскольку это литература, то мельчайших деталей работы немного, и они описаны кратко.

КОНЦОВКА КНИГИ психологически поучительна для "мирняка", который не в теме, и оттого требует особого внимания. Читатель к концу книги, скорее всего, в ауте, а тут ещё и неоднозначный эпизод из мирной жизни. Только нам всем с этим жить, и с годами это не проходит, при малейших намёках вновь бередит. Итак, главный герой в отпуске в своём родном Питере, общается с коллегами из прошлой жизни: "Смутное чувство обиды и несправедливости поднималось откуда-то из грудины и рвалось наружу... По ночам Родионову не спалось... С друзьями из прошлой жизни видеться не хотелось. Их миры разошлись круто, бесповоротно..."

Митинг 9 Мая. "Родионов знал, каких слов от него ждут на митинге. Будет руководство администрации, ветераны, школьники. Он знал, что они хотят услышать, но при этом также знал, что не сможет этого сказать. А правда об этой войне никому сейчас не нужна. Не потому, что правда в принципе не нужна, но именно сейчас людям нужна надежда. Им хочется услышать, что мы, как и наши прадеды в 45-м, бьём врага, что мы наступаем, что Победа обязательно будет за нами, вот-вот, немного осталось подождать..."

И вдруг Родионов услышал знакомый жуужающий звук. И сразу же увидел, как со стороны шоссе на него заходит дрон. Тело среагировало быстрее, чем мозг. Рядом с ним стояла заместитель главы. Он упал на неё, увлекая на асфальт, закрыл собой. Уже падая, понял, что это не камикадзе, а обычный дрон для съёмки.

Митинг был испорчен. "Бросьте, — махнул рукой глава. — В этом даже есть положительные моменты. У нас ведь тут мирная жизнь, фронт далеко.

Дмитрий Сергеевич Филиппов, участник СВО, член Союза писателей России

Никто даже близко не представляет, что вы там испытываете каждый день. А тут вроде как прикоснувшись краешком. Может, хоть до кого-то дойдёт, что страна в состоянии войны. Я в 95-м молодым лейтенантом, командиром взвода, заходил в Грозный. Тогда война другая была, без дронов, без РЭБов... А бардак был всё тот же". Родионов по-другому взглянул на главу, уловил зазевавший в глубине его глаз войну: тусклую, стёртую временем, почти забытую невероятным усилием воли".

Добавлю к этому, со слов одного коллеги оттуда и по совместительству довольно популярного блогера "телеги": "Два товарища заканчивают обучение по региональной программе героев, и у них крайне обострённое чувство справедливости". Это к вопросу о судьбе тех "кресел", которые негласно признали неудачным опыт участника СВО Никиты Горелова, ставшего мэром Кировской Сосновки. СВО закончится только тогда, когда мы все в мирной жизни станем работать на совесть, и тогда даже всё НАТО не сможет "поддержать" пока ещё не нашу Украину.

Напоследок скажу пару слов о важности этой книги для иностранного читателя, особенно западного. Эта книга должна быть переведена хотя бы на английский и распространяться через Россоотрудничество. Аналогия здесь — фильм "Лучшие в аду", который, со слов посвящённых в его создание, был ориентирован в первую очередь на западное общество. Пусть знают, что наш глубинный народ так может, и вопрос: может ли так народ стран НАТО? Пусть каждый чиновник у них десять раз подумает, сможет ли он как Родионов-Филиппов, прежде чем соваться к нам официально большими силами. Вот бы разместить перевод второй половины книги на "Раша тудей" в подборке похожих коротких сюжетов с мест событий!

Геннадий ШАНГИН

СОВЕРШЕННАЯ РАБОТА

БЫЛА У МЕНЯ мысль первая: пока Специальная военная операция в горячей фазе, ничто не заменит новостей, слов военкоров и телеграм-каналов подлинных свидетелей. Не до прозы нам! Затем сумела пробиться вторая мысль — в форме вопроса: а если сейчас литература всё ещё не нужна и граждане могут страдать, радоваться и умирать без присутствия художественных повествований — не выродилась ли некогда великая литература в смазливую дуру, отвечающую своими яркими обложками за интересы релаксации и анестезии от боли нашего времени?

Я с опасением и даже предубеждением начинал читать книгу Дмитрия Филиппова. Зачем она, если и на аналитику апокалиптической битвы России с Западом времени не хватает! Даже сейчас, когда я принял "Собирателей тишины", смущает управляемая лёгкость формы, словно редакционные стратеги издательства-монополиста АСТ, криво допустившие присутствие военного сюжета, решили причисать его по законам прозы Евгения Водолазкина и Алексея Иванова, Леонида Юзефовича и Алексея Варламова. А что это за причисывание? Тягучая протяжённость "душевности", приятная двойственность симпатичных персонажей, этакая поглаживающая котов чтения "живаговщина", подмигивающая всегда по-пастернаковски лирично: история с её эпосами — это поглыбше Македонские, а вот наши частные переживания, душеньки наши субъективные — это и

онов — тот, кто честно делает свою работу сначала в Петербурге, потом в Донбассе. Работа может быть разной, и в достаточно серьёзном спокойствии романа, посвящённого новейшей трагедии, присутствует это поучение: не предавать свой достойный труд, если так надо — быть работниками самого последнего часа, не "уволиться" — себя ради. Как хочет уволиться Барин, приехавший хоронить Добрыка — крепко напившийся и где-то в душе взывший о покупке демобилизации.

Скажу об одном знаке намеченной глубины, когда Кирилл между госслужбой и СВО на неделю уходит в тайгу, ловит большую Рыбу, отказывается от захвата и торжества охотника — целует и отпускает её: "Борьба человека и Рыбы не должна заканчиваться никогда, и не должно в ней быть победителя". Эрнест Хемингуэй, Герман Мелвилл, Виктор Астафьев? Как хотите! У Филиппова сюжет в этом случае обозначен на высокой скорости прагматики несложного читаемого символа, но всё равно это не механический пустиак, а возможность начать истолкование заголовка. Действительно сильной позиции в этом тексте, на мой взгляд.

"Собиратели тишины" — о сапёрах, которые своей совершенной работой должны спасти от адского шума смерти, о поисковиках, идущих по полям бывших сражений для спасения павших солдат от недопустимого гугла забвения, о воинах, призванных за умных и глупых, за нас и других жертвовать собой — порою даже без ясного представления о самой жертве.

Портреты в брошенных квартирах привлекают, крысы пугают, кошек хочется гладить, хитрые артиллерийские установки могут разорваться в гуще своих, очень хочется оказаться в мирном городе (даже если хоронишь товарища), путаешь взрыв с громом, готов с дурацкой навязчивостью шутить о "донецком ухорызе". В романе нет истерики, хотя для неё легко найти повод. "Мир таил угрозу на каждом шагу, и с этим приходилось считаться", но это — не истерика.

В романе много смертей. В верхней точке сюжета оказывается гибель 27-летнего Антоха с позывным Малой. Юный, весёлый, верный, уже отец — он не выходит из боя, да и тело не найдено. На его мгновенном исчезновении из жизни спотыкается сознание Кирилла-Вожака, падающего в запаю, который сумели прервать забравшие карту товарищи. Двумя страницами ниже видение Малого в заминированном врагом подвале спасёт Кирилла Родионова от гибели, а флаг кончины Антоха должен развеваться и за пределами сюжета. Об этом глава "Тут не хитро" — для меня сильнейшая в романе.

Как уже было сказано, глубины тёмной здесь нет, не для интеллектуалов, не для экзистенциалистов написано. Если ещё прощя, для хоть какого-то возвращения той самой знаменитой народности...

Книга Дмитрия Филиппова пытается решить важную задачу: взять тех, кто испуган, искажён презрением, отвращением и страхом, ненавистью к государству — и убедить, что сейчас время соборной работы. Чёртовое колесо бесконечного фриланса должно хоть как-то замедлить свой бег! Вы скажете: так ведь нет у Филиппова никаких особых аргументов в пользу этой войны, отсутствует политика, пропаганда, плакатность спасительного милитаризма! Да, они отсутствуют. Здесь как-то иначе: бывает время иной работы, от которой не стоит бежать...

Апологеты священной войны часто выстраивают свои аргументы на этических платформах Александра Проханова, Александра Дугина, священника Андрея Ткачёва. В романе Филиппова видимых следов этих платформ нет. Мужики, поменявшие имя на позывной, не отличаются духовным пафосом, свободен от него и сам автор, наблюдающий за нормальностью героев, вынужденных делать своё дело в ненормальных условиях. В "Мародёрах" и "Лестнице", в "Змее Горыныч", "Промже", "Вулкане и Веде", "Марине" и других главах, которые складываются в картины смертельно опасной повседневности, при этом игры с парадоксами или выпячивания оксюморона не происходит. Модернизм не влечёт к себе Филиппова.

Ради собрания тишины написана первая часть романа. Тут двое павших при обороне Ленинграда — Николай Дмитриев и Фёдор Крючков. Оба — в свете, оба — в двойственности. Первый в день освобождения Ленинграда совершил самоубийство, не справившись с горем потери жены и (как ему казалось) дочери. Второй чудом избежал расстрела за самовольное и спасительное посещение умирающих родных — и после ряда удачных боёв нашёл смерть в окопе. Дело в Дмитриеве и Крючкове, которых текст Филиппова спасает от забвения и дурного слова. Или — создаёт: сложными, печальными, мёртвыми и в памяти возвращёнными.

Но сама проблема значительнее. Главная трагическая нота — и касается она обеих войн — в немилосердной судьбе солдата, погребённого в двусмысленности реакции современников и потомков, в слухах, формальных справках, в недоступных и неизвестных для почитания и телесной памяти местах. Удел солдата может быть исчезновением, об этом Филиппов по-разному рассуждает в I и II частях. Следовательно, ведущий собиратель тишины — не поисковик с лопатой и сопутствующими левыми задачами, а писатель, который молчаливо или лжи небытия противопоставляет роман как риторическую форму не зависящего от завершения войны Дня Победы.

Именно так — "День Победы" — называется последний текст романа в рассказах. В нём катарсис и информация складываются в цельное послание. Думаю, стоит отнестись к нему рационально, увидеть и услышать пять шагов. Во-первых, пришедший в отпуск Кирилл Родионов неожиданно радуется всеобщему невниманию к спецоперации: "Страна жила своей жизнью, не замечая войны. И это было здорово! Это как раз и было то, ради чего Родионов сражался. Чтобы дома не взрывались мины..." Во-вторых, нигде не денешь скорбь от утрат: "В том, что победа будет за нами, Родионов не сомневался. Его била под дых цена..." В-третьих, вообще нигде не дётся от войны, и Родионов на митинге принимает смертельный дрон журналистов за боевой. В-чвёртых, слова главы администрации, поддержавшего ошибку Родионова: "Может быть, до кого-то дойдёт, что страна в состоянии войны". В-пятых, штурмовой выпад Кирилла-Вожака против циничного, готового к предательству чиновника Гнатюка: "Всё было не зря. Закрой свой поганый рот. Победа будет за нами!"

Из этих пяти посланий и создаётся дидактико-поэтическое поле простого филипповского романа. Чтобы Россия выиграла, внутренний чиновник, совсем не связанный с местом службы и атакующий каждую душу дикой суетой эгоцентризма, должен умереть. Иначе погубим мы.

Алексей ТАТАРИНОВ

Проект "Буханка" для Донбасса" ко Дню защитника Отечества намечается отправить пятнадцатую машину на фронт!

С 2022 года проект подарил фронту уже 14 микроавтобусов УАЗ-СГР "Буханка". И все — заполненные снаряжением.

Никаких посредников, участники проекта сами всё закупают и отвозят на передовую. Отчёты можно посмотреть на сайте проекта buhanka-donbass.ru.

Давайте поддержим наших бойцов и поздравим их с 23 февраля! "Буханка" со снаряжением их точно обрадует.

Карта Сбербанка для переводов "на Буханку":
2202 2036 6741 3852
(Игорь Викторович П.).

